

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.46

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-3-349-361

Шифр научной специальности 5.1.4

Грани правомерного и уголовно-наказуемого применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (по материалам судебной практики)

© КУРСАЕВ Александр Викторович,

кандидат юридических наук, главный эксперт-специалист, Договорно-правовой департамент МВД России, Российская Федерация, 119049 г. Москва, ул. Житная, 12А, ORCID: [0000-0001-9571-8207](https://orcid.org/0000-0001-9571-8207), kursaev@list.ru

Аннотация

Настоящее исследование посвящено квалификации случаев применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками полиции. Цель – исследовать грани правомерного и уголовно-наказуемого применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (по материалам судебной практики). Задачи – изучить нормы законодательства по применению сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, проанализировать типичные квалификационные ошибки при оценке действий сотрудников полиции. Обращено внимание на то, что оценка правомерности действий сотрудников полиции имеет значение не только для квалификации их действий, но и поведения лиц, в отношении которых были применены указанные меры принуждения, относительно наличия в их действиях признаков состава преступления, предусмотренного статьей 318 Уголовного кодекса Российской Федерации. Сделан вывод, что подобные правоприменительные ошибки приводят к тому, что сотрудники органов внутренних дел применяют огнестрельное оружие только в самых крайних случаях, зачастую только тогда, когда создается непосредственная угроза жизни и здоровью самих сотрудников. Данная ситуация объясняется нежеланием полицейского быть обвиненным в незаконном применении оружия. Актуальность вопроса следует и из данных социологических опросов: подчеркнуто, что при уголовно-правовой оценке применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в настоящее время учитывается и соблюдение ими положений Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Проблему практического применения Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и УК РФ составляют те случаи, когда положения Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» ограничивают права сотрудников полиции на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, в то время как это необходимо и признается правомерным исходя из положений УК РФ.

Ключевые слова

применение физической силы, применение специальных средств и огнестрельного оружия, необходимая оборона, задержание совершившего преступление лица, судебная практика

Для цитирования

Курсаев А.В. Грани правомерного и уголовно-наказуемого применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (по материалам судебной практики) // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3. С. 349-361. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-3-349-361](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-3-349-361)

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-3-349-361

The facets of lawful and criminally punishable use of physical force, special means and firearms by police officers (based on the materials of judicial practice)

© Alexander V. KURSAEV,

Candidate of Law, Chief Expert Specialist, Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 12A Zhitnaya St., Moscow 119049, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-9571-8207](https://orcid.org/0000-0001-9571-8207), kursaev@list.ru

Abstract

This study is devoted to the qualification of cases of the use of physical force, special means and firearms by police officers. The goal is to explore the facets of the lawful and criminally punishable use of physical force, special means and firearms by police officers (based on judicial practice). Tasks – to study the norms of legislation on the use of physical force, special means and firearms by police officers, to analyze typical qualification errors in assessing the actions of police officers. Attention is drawn to the fact that the assessment of the legitimacy of the actions of police officers is important not only for qualifying their actions, but also for the behavior of persons against whom these coercive measures were applied, regarding the presence in their actions of signs of a crime under Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is concluded that such law enforcement errors lead to the fact that employees of the internal affairs bodies use firearms only in the most extreme cases, often only when there is an immediate threat to the life and health of the employees themselves. This situation is explained by the unwillingness of the policeman to be accused of illegal use of weapons. The relevance of the issue follows from the data of sociological surveys: it is emphasized that in the criminal law assessment of the use of physical force, special means and firearms by police officers, their compliance with the provisions of the Federal Law of February 7, 2011 no. 3-FZ “On the Police”. The problem of the practical application of the Federal Law of February 7, 2011 no. 3-FZ “On the Police” and the Criminal Code of the Russian Federation is those cases where the provisions of the Federal Law of February 7, 2011 no. 3-FZ “On the Police” restrict the rights of police officers to use physical force, special means and firearms, while it is necessary and recognized as lawful based on the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords

use of physical force, use of special means and firearms, necessary defense, detention of a person who committed a crime, judicial practice

For citation

Kursaev A.V. Grani pravomernogo i ugovovno-nakazuyemogo primeneniya sotrudnikami politzii fizicheskoy sily, spetsial'nykh sredstv i ognestrel'nogo oruzhiya (po materialam sudebnoy praktiki) [The facets of lawful and criminally punishable use of physical force, special means and firearms by police officers (based on the materials of judicial practice)]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 349-361. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-3-349-361](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-3-349-361) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение. Постановка проблемы

Служба в органах внутренних дел предполагает и возможность легального применения насилия в определенных границах в

целях пресечения преступлений и иных правонарушений.

В частности, в силу положений главы 5 Федерального закона от 7 февраля 2011 г.

№ 3-ФЗ «О полиции»¹ (далее – Закон о полиции) сотрудники органов внутренних дел вправе в установленных данным Федеральным законом случаях применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие.

При этом данная норма, сформулированная как правомочие, фактически свидетельствует с учетом правового статуса сотрудников органов внутренних дел и о наличии у них правовой обязанности по применению физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в случае нападения на них, а также в целях задержания лиц, совершивших преступление. Возможность применения указанных средств и возможностей является для сотрудников полиции не только моральным, но и служебным долгом, за невыполнение которого может последовать дисциплинарная либо уголовная (например, по статьям 285 или 293 УК РФ²) ответственность.

Так, например, необходимая оборона может заключаться в защите не только своих, но и правоохраняемых интересов других граждан. Поэтому необходимую оборону нельзя сводить исключительно к самообороне. Особенность необходимой обороны заключается в том, что гражданин отражает преступное посягательство своими собственными силами. В этой связи необходимая оборона будет правомерной и в случае отражения посягательства не только на личность и права обороняющегося, но и другого лица. Такие случаи не являются редкими. Необходимая оборона согласно подсчетам в 15,4 % случаев имела место при защите интересов третьих лиц и в 1,2 % случаев при защите общественных или государственных интересов [1, с. 804].

Таким образом, применительно к сотрудникам правоохранительных органов, в том числе сотрудникам полиции, нормы института обстоятельств, исключающих преступность деяния, трансформировались из uprawомачивающих в обязывающие. Данная

обязанность представляет собой неотъемлемый элемент компетенции указанных сотрудников, в целях чего в ходе специальной подготовки они получают необходимые навыки работы с оружием.

Вместе с тем статистические сведения показывают (в том числе и по результатам зарубежных исследователей), что сотрудники полиции и представители гражданского общества по разному оценивают условия применения огнестрельного оружия и физической силы и приводят разные мотивы допустимости их применения [2]. По разному ранжируется и приоритет использования огнестрельного оружия, физической силы и специальных средств (например, наручников). Так, когда сотрудники полиции осуществляют задержание правонарушителя, то, как правило, используется физическая сила [3].

Однако правомерность применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия оценивается не только на предмет соответствия УК РФ в случае причинения соответствующего вреда, но и может соотноситься с положениями Закона о полиции. Соотношение данных законодательных актов при оценке правомерности действий с оружием требует проведения отдельного исследования, чему и посвящена настоящая работа.

Методы

Методологически проведенное исследование основывается на ряде приемов научного познания: помимо общенаучных методов они включают в себя и целый ряд частно-научных методик. Так, путем использования статистического метода анализируются количественные показатели; формально-юридический метод позволяет провести анализ юридических текстов; сравнительно-правовой метод необходим для сопоставительного исследования.

Кроме того, конкретно-социологический метод, заключающийся в исследовании материалов судебной практики, позволяет получить данные о фактическом поведении субъектов права в уголовно-правовой сфере и его юридической оценке.

Результаты исследования

В преступлении гармонично соединяются между собой признаки общественной опасности и противоправности деяния. Про-

¹ О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

² Уголовный кодекс Российской Федерации 13.06.1996 № 64-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

тивоправность деяния выражается как прямо – путем закрепления в Особенной части УК РФ признаков конкретного состава преступления, так и опосредованно через указания условий, при которых совершенное деяние теряет признаки преступления (институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, малозначительность преступления, либо путем специального указания о непреступном характере деяния в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ (статье 122).

По нашему мнению, положения УК РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (необходимая оборона, задержание лица, совершившего преступление), конкретизируются и наполняются правовым содержанием в неуголовно-правовом законе – Законе о полиции, который в этом случае приобретает черты бланкетного правового акта.

В пункте 28 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»³ высшей судебной инстанцией сформулированы специальные разъяснения по этому вопросу. В частности, указано, что сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие и иные лица, которым законодательством разрешено применение оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы для исполнения возложенных на них федеральными законами обязанностей, не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы.

Как оценить данное разъяснение? Представляется, что однозначного ответа на этот вопрос быть не может. С одной стороны, оно дополнительно акцентирует внимание

на наличие у сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих, а также иных лиц, имеющих право использовать огнестрельное оружие при осуществлении профессиональных функций (частные охранники, ведомственная охрана и проч.), права на его применение в целях пресечения противоправных посягательств. В данном разъяснении дополнительно закрепляется ненаказуемость, правомерность использования данного оружия.

Однако, с другой стороны, процитированный пункт Пленума Верховного суда Российской Федерации закрепляет сложившееся противоречие между УК РФ и иными законодательными и правовыми актами, разрешая сложившуюся коллизию в пользу последних. Фактически данное положение узаконивает сформировавшуюся правоприменительную практику и, в изъятие из части 3 статьи 37 УК РФ, распространяющей положения о необходимой обороне на всех лиц независимо от их служебного положения, требует учитывать помимо положений уголовного закона о правомерности действий граждан, находящихся в условиях действия норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (глава 8 УК РФ), также и специализированные правовые акты, касающиеся служебной деятельности лиц, наделенных правом применения оружия и специальных средств.

Более того, приведенное разъяснение требует соотносить поведение лица, применившего огнестрельное оружие, специальные средства либо физическую силу, при оценке того, является ли причинение вреда уголовно наказуемым, с положениями не только федеральных законов, но и подзаконных правовых актов. Факт наличия именно правомерного причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны должен устанавливаться на основании соответствия деяния всем этим актам.

Названная проблема имеет важное правоприменительное значение.

В рамках уголовно-правовой квалификации оценивается законность действий сотрудников органов внутренних дел, что выражается в вынесении обвинительного или оправдательного приговора по уголовному делу. При этом констатируются и сложности

³ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.09.2012 № 19 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2012. № 11.

в квалификации по данному вопросу в ходе правоприменительной деятельности [4].

В таком приговоре, в рамках анализируемой нами темы, в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁴ (пункты 2 и 3 части 1 статьи 305) излагаться обстоятельства уголовного дела, установленные судом и входящие в предмет доказывания, а также основания осуждения или оправдания подсудимого и доказательства, их подтверждающие.

Как справедливо отмечает по данному вопросу Е.Н. Карабанова, принципиально важно при квалификации подобных фактов определить два ключевых момента: было ли у сотрудника основание для применения насилия и если да, то соблюдены ли допустимые пределы такого насилия [5, с. 50].

В частности, по конкретному делу были признаны правомерными и соответствующими Закону о полиции действия помощника участкового уполномоченного полиции, применившего огнестрельное оружие в отношении группы лиц, которые в ночное время в безлюдном месте, имея численное и физическое превосходство, вооруженные палками и брусками, совершали в отношении потерпевших противоправные деяния, связанные с умышленным причинением вреда здоровью⁵.

И наоборот, при нарушении условий правомерности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия суды принимают решение о наличии в действиях сотрудников органов внутренних дел признаков общественно опасного деяния.

Так, приговором Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 28 апреля 2017 г. по делу № 1-50/17 было установлено, что два бывших инспектора дорожно-патрульной службы незаконно применили физическую силу и боевые приемы борьбы, а также специальные средства ограничения подвижности (наручники) в отношении потерпев-

шего, который не оказывал сопротивления сотрудникам полиции, пытался встать с асфальта на ноги, однако получил многочисленные удары, после чего упал с высоты собственного роста, ударившись лицом об асфальт.

В этой связи выводы судов в приговорах о правомерности либо неправомерности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками полиции и, соответственно, о возможности признания их действий преступными, зависят от наличия⁶ или отсутствия⁷ у сотрудников органов внутренних дел правовых оснований на их применение.

Вопрос о правомерности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия может выясняться не только в ходе следственной проверки и производства по уголовному делу. В силу части 1 статьи 52 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸ в этих целях может использоваться и внутриведомственный инструмент поддержания законности – институт проведения служебной проверки.

Однако служебная проверка не может подменять собой результаты предварительного расследования. В пункте 9 Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации,

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

⁵ Апелляционное определение Верховного суда Российской Федерации от 16.09.2015 № 72-АПУ15-34. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Апелляционное определение Верховного суда Российской Федерации от 19.06.2014 № 74-АПУ14-11, апелляционное определение Московского городского суда от 1.07.2015 по делу № 10-8122, апелляционное постановление Московского городского суда от 29.10.2015 по делу № 10-14238/2015.

⁷ Кассационное определение Верховного суда Российской Федерации от 28.03.2013 № 47-013-19, апелляционное определение Московского городского суда от 23.06.2015 по делу № 10-6217/2015, приговор Советского районного суда г. Новосибирска от 28.02.2017, приговор Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 27.07.2017 по делу № 1-134/2017.

⁸ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49. Ст. 7020.

утвержденного приказом МВД России от 26 марта 2013 г. № 161⁹, прямо указано, что в рамках служебной проверки сотрудники, ее проводящие, не вправе совершать действия, отнесенные к компетенции органов дознания и предварительного следствия.

В связи с этим уголовно-правовая квалификация действий лица, использующего оружие и специальные средства для отражения нападения на него или на иных лиц, имущество и иные объекты уголовно-правовой охраны, должна определяться исключительно в рамках процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, и не может устанавливаться в иных видах судопроизводства, что находит подтверждение и в практике Конституционного суда Российской Федерации (например, в Постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко»¹⁰).

В то же время соответствие процедуры использования огнестрельного оружия и специальных средств специальным правовым актам, регулирующим их использование, может быть предметом ведомственного служебного расследования. Его результаты могут быть использованы при оценке того, является ли применение оружия допустимым и правомерным исходя из конкретных обстоятельств произошедшего, соблюдены ли условия его использования.

Исходя из специфики служебной деятельности сотрудников полиции применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия связано в первую очередь с задержанием преступника (статья 38 УК РФ).

⁹ Порядок проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденный приказом МВД России от 26.03.2013 № 161 // Российская газета. 2013. 14 июня. № 127.

¹⁰ По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко: Постановление Конституционного суда РФ от 21.12.2011 № 30-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 2. Ст. 398.

С учетом важности данного основания, в том числе и для оперативного пресечения преступлений, разъяснения по данному вопросу были обобщены Верховным судом Российской Федерации в специально подготовленном Обзоре практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, который был утвержден Президиумом Верховного суда Российской Федерации 22 мая 2019 г. (раздел 3)¹¹.

В названном Обзоре констатируется, что положения статьи 38 УК РФ в судебной практике применяются редко. При этом у судов возникают трудности, связанные с выяснением наличия такого обстоятельства и факта превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. В частности, суды в отдельных случаях не устанавливают и не исследуют тот факт, что сотрудники правоохранительных органов или иные лица действовали в состоянии задержания лица, совершившего преступление, а причинение при этом вреда задерживаемому лицу имело вынужденный характер, обусловливаемый обстоятельствами его задержания.

В частности, приговором Зеленоградского районного суда г. Москвы от 30 марта 2015 г. инспектор ДПС Н. был осужден по пункту «а» части 3 статьи 286 УК РФ. Н. подошел к С., задержанному совместно с гражданами Л. и Э. при вскрытии банкомата, и с целью удержания рук С. за спиной применил к нему физическое насилие, которое заключалось в нанесении ранее задержанному им и находившемуся на полу в положении лежа, не оказывающему сопротивления гражданину С. двух ударов ладонью в область затылочной части головы, от которых тот ударился лицом о пол. В результате С. были причинены физическая боль и констатировано наличие легкого вреда здоровью, выразившегося в телесных повреждениях в виде закрытого перелома костей носа со смещением.

¹¹ Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, утвержденный Президиумом Верховного суда РФ 22.05.2019. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

Московский городской суд отметил, что нижестоящим судом не были приняты во внимание утверждения сотрудника полиции Н. о том, что, лежа на полу, задержанный С. начал подниматься на локти, поднимать голову и смотреть по сторонам, из чего он пришел к выводу о том, что С., руки которого на тот момент не были в наручниках, мог выхватить пистолет у него или у лежащего рядом Э. и применить это оружие на поражение. Кроме того, перед проведением задержания через стеклянные двери, ведущие в отделение банка, он видел, что у одного из трех мужчин, стоящих у банкоматов и производящих какие-то действия, на поясе находилась кобура, из которой виднелась рукоять пистолета. Рядом с ним стоял С., совершая действия с банкоматом и держа в руках большую пачку денежных купюр. Полагая, что жизни сотрудников полиции угрожает опасность, им была применена физическая сила к потерпевшему, после чего на задержанного были надеты наручники. С учетом изложенных обстоятельств судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда пришла к выводу об отсутствии в действиях Н. состава преступления, предусмотренного пунктом «а» части 3 статьи 286 УК РФ, отменила обвинительный приговор и прекратила уголовное дело в связи с отсутствием в его действиях состава преступления (апелляционное определение от 12 мая 2016 г. по делу № 10-6422/2016).

Данные судебные ошибки, заключающиеся в необоснованном вменении состава преступления, не являются редкими.

В частности, нарушение уголовного и уголовно-процессуального закона может выражаться в такой квалификационной ошибке, как игнорирование факта общественной опасности и действительности посягательства.

Например, оперуполномоченный уголовного розыска П. в 1994 г. был осужден за убийство при превышении пределов необходимой обороны и покушение на убийство при превышении пределов необходимой обороны (статья 105, а также статьи 15 и 105 УК РСФСР 1960 г.¹²). Так, в 23 часа ночи

после ссоры, затеянной ранее незнакомыми С. и Ш., находившимися в состоянии алкогольного опьянения, П., полагая, что на него планируется совершение нападения, с целью защиты от противоправного поведения из табельного оружия произвел два выстрела в С. и один – в Ш., обоим в живот. Президиум Московского городского суда, отменяя приговор суда первой инстанции, указал, что суд не дал оценку характеру опасности, угрожавшей П., обстановке, при которой было совершено нападение (ночное время, численное превосходство нападавших и их нахождение в алкогольном опьянении, агрессивность) (постановление президиума Московского городского суда от 24 мая 1997 г.).

Такие правоприменительные ошибки приводят к тому, что сотрудники органов внутренних дел применяют огнестрельное оружие только в самых крайних случаях, зачастую только тогда, когда создается непосредственная угроза жизни и здоровью самих сотрудников. Данная ситуация объясняется нежеланием быть обвиненным в незаконном применении оружия. Реальность проблемы следует и из данных социологических опросов.

В частности, согласно проведенному в УМВД России по Белгородской области анкетированию, среди тех, кто предпочитает не применять табельное оружие даже в случаях, когда этого требует реальная необходимость, более 70 % составляют опытные сотрудники (стаж службы более 5 лет) [6, с. 56].

Данные результаты коррелируют с информацией, полученной ранее Э.Ф. Побегайло в ходе опроса слушателей Академии управления МВД России, согласно которой более 90 % данных лиц в качестве одного из мотивов неприменения сотрудниками органов внутренних дел нормы о необходимой обороне указали на боязнь уголовной ответственности за применение огнестрельного оружия [1, с. 854-855]. С.Ф. Милоков и А.В. Никуленко отмечают аналогичные мотивы и у слушателей Санкт-Петербургского университета МВД России [7, с. 162], что свидетельствует о том, что проблема является всеобщей.

В связи с этим можно предположить, что проблема неприменения оружия связана не с дефектами правосознания со стороны

¹² Уголовный кодекс РСФСР: утвержден Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

сотрудников полиции, незнании ими норм Закона о полиции или УК РФ, а с опасениями в неправильной оценке их действий со стороны проверяющих и надзирающих органов.

Наличие таких проблем подтверждается и экспертными мнениями представителей научного сообщества, отмечающих, что неправосудные приговоры во многом обусловлены не разрешенными до настоящего времени отдельными вопросами соотношения (коллизии) УК РФ и норм иных федеральных законов по вопросу применения оружия [8, с. 46; 9, с. 23].

Верховный суд Российской Федерации обращает особое внимание на данную проблему, считая ее весьма важной, дополнительно разъясняя нижестоящим судам, что сотрудники органов внутренних дел наравне с иными гражданами пользуются правами по пресечению общественно опасных посягательств.

Так, в пункте 27 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъяснено, что положения статей 37 и 38 УК РФ распространяются на сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, которые в связи с исполнением своих служебных обязанностей могут принимать участие в пресечении общественно опасных посягательств или в задержании лица, совершившего преступление. При этом если в результате превышения пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, указанные лица совершат убийство или умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, содеянное ими при наличии соответствующих признаков подлежит квалификации по статье 108 или статье 114 УК РФ (убийство, причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление).

Обстоятельства правомерности применения сотрудниками полиции физической

силы, специальных средств и огнестрельного оружия имеют существенное значение не только при разрешении вопроса об уголовно-правовой оценке их действий, но и действий иных лиц.

Так, Н. был признан виновным и осужден в том числе за применение насилия, опасного для здоровья, совершенного в отношении сотрудников полиции, которые производили его задержание (часть 2 статьи 318 УК РФ). Поскольку обстоятельства применения оружия указанными сотрудниками полиции не были исследованы судом в достаточной степени (суд только сослался на результаты доследственной проверки, проведенной сотрудниками Следственного комитета РФ по факту применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия), а их установление имеет существенное значение для принятия решения о наличии либо отсутствии в действиях Н. состава преступления, так как ответственность за применение насилия в отношении представителя власти наступает только в случаях противодействия его (представителя власти) законной деятельности, уголовное дело в отношении Н. было передано на новое судебное разбирательство (апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 23 августа 2016 г. по делу № 22-4192/2016).

Если же сотрудники органов внутренних дел действовали правомерно, в том числе и в части применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, действия сотрудников не только признаются правомерными, но и посягательство на сотрудников может признаваться деянием, содержащим признаки преступления.

Например, по конкретному делу П. был оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 318 УК РФ. Суд определил, что П., нанося удар потерпевшему, не осознавал, что перед ним сотрудник полиции, а также не мог знать, законны ли действия сотрудников полиции.

Между тем по делу было установлено, что сотрудники полиции Ч. и Ш. обнаружили при патрулировании стоящий на улице автомобиль, из двери которого торчал предмет, похожий на пистолет. В автомобиле на-

ходились П. и К., к которым были предъявлены законные требования представить документы, удостоверяющие личность, а также документы на оружие. К. в категоричной форме отказался выполнить законные требования сотрудников полиции и потянулся рукой к предмету, похожему на огнестрельное оружие. В этот момент сотрудники полиции правомерно применили к нему физическую силу. Также физическая сила была применена в отношении П., который оказывал сотрудникам полиции активное сопротивление. С учетом изложенного оправдательный приговор в отношении П. был отменен, и уголовное дело направлено на новое судебное разбирательство (апелляционное постановление Московского областного суда от 2 июня 2015 г. по делу № 22-3423/2015).

Учитывая вышеизложенное, закономерно вывод о том, что при уголовно-правовой оценке применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в настоящее время учитывается и соблюдение ими положений Закона о полиции.

Проблему соотношения Закона о полиции и УК РФ составляют те случаи, когда положения Закона о полиции ограничивают права сотрудников полиции на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, в то время как такое право признается правомерным исходя из положений УК РФ.

Такое ограничение прав сотрудников полиции справедливо критикуется в научной литературе. Так, С.Ф. Милоков и А.В. Никуленко считают, что нормы Закона о полиции, регламентирующие порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия иначе, чем это закреплено в УК РФ, на законодательном уровне прямо ограничивают сферу действия кодифицированного (и потому имеющего большую юридическую силу) нормативного акта – УК РФ и еще больше ограничивают фундаментальные права сотрудников полиции [7, с. 179].

Солидарен с таким мнением и Э.Ф. Побегайло, который предлагает разрешить такие ситуации посредством применения нормы о крайней необходимости (статья 39 УК РФ), при которой нарушение правил приме-

нения оружия может быть оправдано тем, что в целях предотвращения более тяжкого вреда причиняется вред менее значимым правоохраняемым интересам, связанным с порядком несения службы и применением огнестрельного оружия [1, с. 853].

Кроме того, в случае причинения вреда, например, при задержании мнимого преступника, возможна и квалификация данных действий с учетом фактической ошибки. Конечная квалификация будет зависеть от возможности с учетом конкретных обстоятельств признать эту ошибку извинительной или не извинительной. Содержание извинительной ошибки состоит в том, что лицо имеет достаточные основания полагать правомерными свои действия. Например, судебной практике известен случай прекращения уголовного дела в отношении работника милиции, применившего табельное оружие в отношении невменяемого лица. Суд счел, что сложившаяся обстановка давала милиционеру основания считать, невменяемый является опасным преступником, сбежавшим из-под стражи¹³.

Если же задерживающий поступает поспешно, невнимательно и неполно оценивая окружающие обстоятельства, что приводит к заблуждению относительно оснований задержания или свойств личности задерживаемого, то такая ошибка будет являться неизвинительной. При достаточном для обычного человека напряжении своих интеллектуальных и волевых сил, большей осмотрительно задерживающий мог и должен был не допустить эту ошибку. При оценке извинительности ошибки следует учитывать и то, что не во всех случаях причинение преступника вреда, адекватного опасности личности задерживаемого преступника, может являться правомерным. Так, при задержании убийцы-рецидивиста нанесение любого ранения можно рассматривать как допустимое. Однако если задерживающий располагал возможностью задержать такое лицо иным способом (например, запереть его в изолированной комнате), то причинение тяжкого вреда здоровью не может являться оправданным. Недаром уголовный закон (часть 2

¹³ Бюллетень Верховного суда СССР. 1970. № 6. С. 28-39.

статьи 38 УК РФ) требует учитывать такой важный критерий правомерности, как обстановку задержания. Поэтому задержание уклоняющегося от этого преступника должно коррелировать с пределами причиненного ему вреда.

Исходя из этого представляется, что российское уголовное законодательство регулирует задержание только очевидного преступника, сама обстановка в отношении которого, с учетом и предшествующего его поведения, определенно свидетельствует о совершенном им преступлении. Поэтому конструирование в этом случае каких-либо специальных правил в отношении задержания преступника в зависимости от служебного положения задерживающего не может быть признано социально обусловленным.

Именно поэтому иные суждения на данную проблему, заключающиеся в выделении в качестве самостоятельного критерия правомерности задержания преступника того, что субъектом задержания может являться только гражданин, на которого не возложена специальная правовая обязанность задерживать преступника [10, с. 67], представляются неверными. Обосновывая такое решение, ЮВ. Баулин в более поздней своей работе ссылается на то, что нераспространение статьи 38 УК РФ на сотрудников правоохранительных органов следует из того, что одной из целей задержания является доставление задерживаемых в органы власти, а указанные лица сами представляют собой эту власть. Также данный автор приводит довод о том, что правомерность действий должностных лиц по задержанию преступника регулируется специальными законами (например, Законом о полиции), которые имеют одинаковую юридическую силу с УК РФ.

Данные аргументы могут быть легко оппорены. Во-первых, во всех случаях целью задержания преступника является доставление его в органы власти (а не, например, расправа над ним). Сотрудник полиции также преследует эту цель. Он не может оставить преступника рядом с собой или преследовать цель его перемещения в иную местность. Во-вторых, Закон о полиции, как и иные законодательные акты, не содержит и не может содержать специальных норм, касающихся собственно условий задержания

преступника, так как преступность и наказуемость деяния, уголовная ответственность за него определяется только уголовным законом (часть 1 статьи 3 УК РФ). Исходя из этого, суждения об обратном не могут быть нами поддержаны по вышеуказанным основаниям. К тому же они противоречат и правоприменительной практике судов и следственных органов.

Несостоятельность и спорность приведенного тезиса, ограничивающего субъектный состав лиц, пользующихся правом на задержание преступника, получила отражение и в юридической литературе. В более поздних работах данный критерий современными исследователями (например, С.Ф. Милуковым) вполне справедливо не выделяется [12, с. 184-210].

Следует также обратить внимание на неудачную конструкцию пункта 4 части 1 статьи 23 Закона о полиции, который связывает возможность применения огнестрельного оружия при задержании лица только в случае, если задерживаемое лицо пытается скрыться.

Буквальное толкование данной нормы приводит к парадоксальному выводу о том, что сотрудник полиции не может обнажить оружие, например, в целях побуждения задерживаемого следовать с ним в помещения органов власти или для обезоруживания. Юридическим выходом из этого будет только рассмотрение данной ситуации как подпадающей для сотрудника полиции под крайнюю необходимость.

Заявленная проблема соотношения УК РФ и специальных правовых актов, регулирующих применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия, физической силы и специальных средств, позволяет также по новому подойти к оценке роли главы 8 УК РФ в регулировании института обстоятельств, свидетельствующих о правомерности деяния, последствием которого явилось причинение вреда, формально подпадающего под признаки преступления.

Речь идет о том, что такие специальные правовые акты устанавливают не только критерии правомерности причиненного вреда в рамках существующих шести видов обстоятельств, исключających преступность деяния. В конечном счете ведь рассматри-

ваемую проблему можно нивелировать тем, что указанные нормативные акты детализируют, уточняют границы правомерности, принимая во внимание специальный статус лица, наличие у него специальной подготовки и навыков. В отличие от простых граждан данные лица используют для отражения нападения не просто физическую силу или подручные предметы, а огнестрельное оружие и специальные средства, представляющие собой источники повышенной опасности. Сфера их разрушительного действия при отражении (пресечении) нападения может затронуть не только самого нападающего, но и случайных лиц, оказавшихся в области их воздействия. В целях исключения подобных случаев законодательство и вводит дополнительные требования к применению огнестрельного оружия и специальных средств лицами, имеющими к нему подтвержденный по результатам специальной подготовки допуск.

Нам представляется, что законодатель пошел по пути того, что обстоятельства, исключющие преступность деяния, могут закрепляться не только в УК РФ, но и в других правовых актах, что приводит к «размыванию» границ данного института, превращению его из только уголовно-правового в межправовой, тесно связанный с административным и уголовно-исполнительным правом, теорией оперативно-розыскной деятельности.

Признаки правомерных поступков, хотя и связанных с причинением вреда, но при этом исключających преступность деяния, помимо УК РФ закреплены в Законе о полиции, Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹⁴ и других правовых актах. Более того, помимо тех обстоятельств, исключających преступность деяния, которые закреплены непосредственно в УК РФ, к их числу, получивших отражение в иных правовых актах, можно отнести согласие потерпевшего, выполнение профессиональных обязанностей, исполнение обязанностей воинской

¹⁴ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

службы, врачебное вмешательство, занятие спортом и т. п.

Иное толкование, при котором будет существовать различие в критериях правомерности применения огнестрельного оружия и специальных средств в отношении сотрудников полиции и простых граждан, может привести к тому, что совокупность норм их применения сотрудниками органов внутренних дел трансформируется в специальный административно-правовой институт, а уголовное право будет регулировать вопросы необходимой обороны и задержания преступника только обычными гражданами. Такая дифференциация приведет только к «расколу» единого по сути правового явления. Между тем исходя из конституционного принципа равенства правовые последствия данных действий должны быть одинаковыми.

Данный тезис можно проиллюстрировать и субъектным составом лиц, которые могут пользоваться правом на задержание лица, совершившего преступление. Очевидно, что помимо сотрудников правоохранительных органов или лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность, к ним относятся и представители организованной общественности (дружинники, представители казачьих обществ), а также обычные граждане. Поэтому условия правомерности задержания преступника не могут и не должны зависеть от статуса лица, производящего такое задержание. Первоосновой нормы о задержании преступника является субъективное право каждого лица, которое является всеобщим, на пресечение противоправного поведения иного субъекта. Разница лишь в том, что для обычных граждан оно подкреплено еще и моральной, гражданской обязанностью по задержанию преступника, а для специальных субъектов эта обязанность перерастает в правовую.

Заключение

Полагаем, что дифференциация условий правомерности при привлечении ответственности за превышение обстоятельств, исключających преступность деяния, в зависимости от профессионального статуса обороняющегося либо лица, задерживающего правонарушителя, не вполне справедлива и создает дополнительные правоприменитель-

ные коллизии. Закрепленные в УК РФ правовые нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, должны распространяться на всех граждан независимо от их статуса и должностного положения.

Однако выразившаяся тенденция к расширению перечня законодательных актов, в которых предусматриваются обстоятельства, исключающие преступность деяния, в том числе касающиеся деятельности сотрудников органов внутренних дел, создает конкуренцию между данными актами, в том числе и в рамках одного такого обстоятельства (необходимая оборона, крайняя необходимость).

Правоприменитель вынужден по аналогии использовать одно обстоятельство, связанное с непротивоположностью деяния (например, крайнюю необходимость), к тем случаям, когда фактически имеет место задержание преступника (в частности, применение огнестрельного оружия в отношении преступника, не выражающего намерение скрыться).

Полагаем, что данная проблема должна разрешаться путем упорядочения источников закрепления обстоятельств, исключающих преступность деяния, на основе приведения их к условиям правомерности, изложенным в УК РФ.

Список источников

1. *Побегайло Э.Ф.* Избранные труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. 1066 с.
2. *Rojek J., Alpert G.P., Smith H.P.* Examining officer and citizen accounts of police use-of-force incidents // *Crime and Delinquency*. 2012. № 58 (2). P. 301-327.
3. *Bozeman W.P., Stopyra J.P., Klinger D.A. et al.* Injuries associated with police use of force // *Journal of Trauma and Acute Care Surgery*. 2018. № 84 (3). P. 466-472.
4. *Осокин Р.Б.* Правоохранительные органы в системе безопасности России. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. тех. ун-та, 2006. 56 с.
5. *Карabanова Е.Н.* Квалификация незаконного применения насилия сотрудниками полиции // *Законность*. 2020. № 11. С. 48-52.
6. *Кириченко Ю.Н., Медведев А.В., Баринов А.С.* О некоторых проблемах организационно-правовой специфики применения оружия сотрудниками полиции УМВД России по Белгородской области // *Российский следователь*. 2019. № 10. С. 54-58.
7. *Миллюков С.Ф., Никуленко А.В.* Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2015. 560 с.
8. *Миллюков С., Никуленко А.* Силовое противодействие преступному поведению: анализ модернизации нормативной базы // *Уголовное право*. 2012. № 6. С. 41-47.
9. *Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции)* / отв. ред. Н.Г. Кадников. М.: Юриспруденция, 2012. 192 с.
10. *Баулин Ю.В.* Право граждан на задержание преступника. Харьков: Вища школа, 1986. 157 с.
11. *Российское уголовное право. Общая часть* / под ред. В.С. Комиссарова. СПб.: Питер, 2005. 560 с.
12. *Энциклопедия уголовного права. Т. 7. Обстоятельства, исключающие преступность деяния* / Е.Г. Веселов [и др.]. СПб.: Издание проф. Малинина, 2007. 722 с.

References

1. *Pobegaylo E.F.* *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg, Law Center Press, 2008, 1066 p. (In Russian).
2. *Rojek J., Alpert G.P., Smith H.P.* Examining officer and citizen accounts of police use-of-force incidents. *Crime and Delinquency*, 2012, no. 58 (2), pp. 301-327.
3. *Bozeman W.P., Stopyra J.P., Klinger D.A. et al.* Injuries associated with police use of force. *Journal of Trauma and Acute Care Surgery*, 2018, no. 84 (3), pp. 466-472.
4. *Osokin R.B.* *Pravookhranitel'nyye organy v sisteme bezopasnosti Rossii* [Law Enforcement Agencies in the Security System of Russia]. Tambov, Tambov State Technical University Publ., 2006, 56 p. (In Russian).
5. *Karabanova E.N.* *Kvalifikatsiya nezakonnogo primeneniya nasiliya sotrudnikami politsii* [Qualification of the illegal use of violence by police officers]. *Zakonnost'* [Legality], 2020, no. 11, pp. 48-52. (In Russian).
6. *Kirichenko Y.N., Medvedev A.V., Barinov A.S.* *O nekotorykh problemakh organizatsionno-pravovoy spetsifiki primeneniya oruzhiya sotrudnikami politsii UMVD Rossii po Belgorodskoy oblasti* [On some problems of the organizational and legal specifics of the use of weapons by police officers of the Ministry of In-

- ternal Affairs of Russia in the Belgorod Region]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*, 2019, no. 10, pp. 54-58. (In Russian).
7. Milyukov S.F., Nikulenko A.V. *Prichineniye vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshogo obshchestvenno opasnoye deyaniye* [Infliction of Harm during the Detention of a Person Who Has Committed a Socially Dangerous Act]. St. Petersburg, Law Center Press, 2015, 560 p. (In Russian).
 8. Milyukov S., Nikulenko A. Silovoye protivodeystviye prestupnomu povedeniyu: analiz modernizatsii normativnoy bazy [Forceful counteraction to criminal behavior: analysis of the modernization of the regulatory framework]. *Ugolovnoye pravo* [Criminal Law], 2012, no. 6, pp. 41-47. (In Russian).
 9. Kadnikov N.G. (executive ed.). *Neobkhodimaya oborona, kraynyaya neobkhodimost', zaderzhaniye prestupnika (pravovaya otsenka deystviy sotrudnikov politsii)* [Necessary Defense, Emergency, Detention of a Criminal (Legal Assessment of the Actions of Police Officers)]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2012, 192 p. (In Russian).
 10. Baulin Y.V. *Pravo grazhdan na zaderzhaniye prestupnika* [The Right of Citizens to Arrest a Criminal]. Kharkov, Vishcha shkola Publ., 1986, 157 p. (In Russian).
 11. Komissarov V.S. (ed.). *Rossiyskoye ugolovnoye pravo. Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law. General Part]. St. Petersburg, Piter Publ., 2005, 560 p. (In Russian).
 12. Veselov E.G. et al. *Entsiklopediya ugolovnogo prava. T. 7. Obstoyatel'stva, isklyuchayushchiye prestupnost' deyaniya* [Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 7. Circumstances Excluding the Criminality of the Act]. St. Petersburg, Professor Malinin Publ., 2007, 722 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 26.07.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 22.09.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 30.09.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная